

**ТОТАЛИТАРИЗМ
И
ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ**

Выпуск 6

ТОМСК

2005

Шпагин С.А.
Партийная система в
постсоветской России: от
однопартийности к
псевдопартийности

«**Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нем как о таковом: останется только его обозначение.**»

Аристотель [1]

Недавние события в Томске, связанные с проведением выборов в городскую думу, заставляют вновь и вновь говорить о реальности авторитарной перспективы современной российской политики. Массированное применение административного ресурса проявило себя не только в ограничении возможностей оппозиционных кандидатов контактировать со своими избирателями, но и в организации откровенных провокаций. Хорошо отрежиссированный «демонстративный уход» молодых избирателей со встречи с кандидатами от блока «Наш выбор – Томск!» и их московскими руководителями В. Рыжковым и И. Хакамадой 26 сентября 2005 г. стал явным свидетельством готовности местных властей использовать любые доступные средства для дискредитации политических оппонентов. А на следующий день томичи могли наблюдать обратную сторону той же готовности: президент виртуально общался за милицейским кордоном со специально отобранными студентами и сотрудниками вузов, построенными для этой цели перед главным корпусом ТГУ. Наконец, регистрация лояльного по отношению к городской и областной властям избирательного блока «За Томск», составленного из малоизвестных лиц, может быть расценена как технологический компонент той же стратегии. Это способ символического вытеснения из местного политического пространства реальных конкурентов томского отделения «партии власти» – популистского блока «Оппозиция», «старого» (по отечественным меркам) либерального объединения «СПС + Яблоко» и новой либеральной организации «Наш выбор – Томск».

Обсуждение авторитарных тенденций в жизни современного российского общества и политике посткоммунистического государства предполагает, в том числе, обращение к анализу состояния тех политических институтов, которые призваны

обеспечивать связь между государством и обществом. Важное место среди них принято отводить политическим партиям.

Формирование политических партий в Российской Федерации – это уже вторая попытка создания многопартийной системы в нашей стране. Первая завершилась революцией и стореда в огне гражданской войны. На 70 лет в Советской России утвердилась эксклюзивная однопартийная система, не допускавшая даже возможности появления оппозиционных партий. Однако как принудительный переход к рынку не способствовал созданию в России эффективной экономики, так и разрушение монополии КПСС на власть не привело к ожидаемому образованию эффективной многопартийной системы. Вместо планового хозяйства в стране восстановилась многоукладная экономика, где современные индустриальные предприятия соседствуют с натуральным хозяйством «михуринских» участков. Место моноцентричной партийно-государственной системы заняла своеобразная «политическая многоукладность», соединяющая в рамках одной страны фрагменты политической жизни разных типов общества. Так деятельность вполне современных по характеру политических институтов (парламент, выборы) совмещается в России с почти самодержавными полномочиями главы государства. В еще большей степени это качество проявляет себя при анализе российской партийной системы.

Утрата коммунистами своего господствующего положения изменила в российской политике гораздо меньше, чем полагают некоторые западные исследователи. Сравнительный анализ отечественной политики в 1985 и 1998 гг., проведенный Т. Ремингтоном, справедливо регистрировал «уход» партий из исполнительной и судебной власти. Однако этот «уход» совсем не означал отмеченного им повышения влияния независимых партий на политический процесс [2]. Роль партийной системы в российской политике просто стала менее значительной.

Справедливость последнего вывода красноречиво подтверждают результаты социологических исследований. По данным Института комплексных социальных исследований РАН только 29% опрошенных в 2003 г. российских граждан подтвердили важность многопартийности для современной демократии, то время как более половины считает этот признак неважным. По значимости он почти в три раза уступает таким показателям как выборность органов государственной власти, свобода слова и СМИ. Право выбирать между несколькими партиями и свободное членство в одной из них заняли в ряду обязательных признаков демократии последнее место (3,1% и

2,4% опрошенных соответственно). Партии и другие политические объединения в России стабильно проигрывают всем органам власти и общественным институтам в доверии со стороны населения. В 2003 г. партиям выразило доверие только 5,7% россиян, тогда как президенту доверяли 66,6%, а вооруженным силам – 52,5%. Составленная по преимуществу из партийных депутатов Государственная Дума получила в рейтинге доверия почти столь же скромный показатель – 12,8% [3]. Такое отношение к партиям требует объяснения.

Несмотря на длительный исторический перерыв, целый ряд традиций партийной жизни дореволюционной России воспроизводится и в России постсоветской. Как и в царские времена, большинство политических партий не имеют прочной социальной основы. Партии формируются в обстановке масштабных изменений социальной структуры, потому интересы многих социальных групп еще не оформлены и не осознаны в полной мере [4]. По-настоящему стабильную массовую базу имеет только КПРФ, которая выражает настроения, ценности и интересы наименее адаптированных к рыночным условиям получателей бюджетных выплат (пенсионеров, работников госсектора). Остальные партии пользуются весьма ограниченной поддержкой и поэтому в значительной мере зависят от изменений настроений в обществе.

Другая досоветская традиция многопартийности проявила себя в конституционном устройстве России. Несмотря на то, что кандидатуры премьер-министра и членов правительства России утверждаются Государственной Думой, кабинет министров, как и при Николае II, формируется на непартийной основе и не зависит от партий. Участие представителей парламентских партий в составе правительства является не правилом, а исключением. Это участие носит временный характер и рано или поздно ставит партийного министра перед выбором: или покинуть министерское кресло, как это сделал в январе 1994 года лидер блока «Выбор России» Е. Гайдар, или прекращать членство в партии, как поступили позже его коллеги по партии А. Чубайс и А. Козырев. Единственное правительство, составленное с участием партий, – правительство Е. Примакова – было создано в кризисной ситуации, являлось лишь частично коалиционным по составу и существовало чуть дольше полугода. Невозможность существовать в правительстве с одной стороны снижает уровень ответственности партий за свою деятельность, а с другой – дает возможность некоторым из них (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко») использовать в своих интересах имидж принципиальных критиков режима. Конституционное устройство

лишает партии и стимула к объединению в коалиции. Наконец, «недоступность» правительства для партий обесценивает не только партийные программы и идеологии вообще, но и межпартийную конкуренцию в классическом смысле слова – как борьбу за реальную власть [5].

Советское наследие – это, прежде всего, традиции однопартийной системы, прочно сросшейся с государственной властью. В новых исторических условиях это наследие проявило себя в виде так называемой «партии власти». Этим термином отечественные политологи чаще всего обозначают квазиполитические организации, образованные из числа представителей правящего класса и участвующие в выборах и парламентской деятельности под непосредственным руководством высокопоставленных государственных чиновников [6]. Специфика организаций подобного рода заключается в том, что их главным политическим ресурсом выступает не поддержка со стороны избирателей, а связь с действующими властными структурами, предоставляющими таким квазипартиям весомую, хотя и не всегда законную помощь. Хотя названия и лидеры подобных объединений регулярно меняются, неизменно одно – их предельная лояльность по отношению к главе государства и его политике. Поэтому никакой самостоятельной роли «партии власти» в управлении обществом не играли, и, скорее всего, в принципе не в состоянии сыграть.

Следованием советской традиции можно считать и вождистский характер большинства постсоветских партий. В условиях снижения значимости идеологий на первое место в кругу признаков партий выходят их узнаваемые лидеры. Отношения внутри этих организаций носят выраженные черты клана или клиентелы – объединения людей, нуждающихся в покровительстве, вокруг влиятельного патрона [7]. Именно такие отношения существовали в советский период нашей политической истории между партийно-хозяйственной номенклатурой и ее вождем. В наше время социальная неоформленность российского общества, неопределенность экономических и социальных перспектив порождает неуверенность в себе не только у малообеспеченных бюджетополучателей, но даже у вполне благополучных налогоплательщиков. Поэтому в покровительстве нуждаются почти все.

Наконец, в массовом сознании восприятие партий и партийной деятельности целиком основано на эталоне КПСС. Именно опыт советского партийного строительства остается доминирующим в современной практике. Под партстроительством в нашей стране

обычно понимают выстраивание вертикальных организационных связей для того, чтобы дисциплинировать «членскую массу» [8]. Это неудивительно, если принять во внимание, какое количество бывших партийных и комсомольских чиновников трудится над «укреплением» российской многопартийности. Поэтому, как грустно выразилась О.В. Гаман-Голутвина, «сколько партий в России не создавай, все равно получается КПСС» [9].

Вот на эти-то традиции накладываются общемировые тенденции кризиса политических партий. В результате вождизм, организационная рыхлость российских партий, их зависимость от государства и недостаточная связь с еще более слабыми институтами гражданского общества дополняются новыми проблемами, характерными для постсовременных политических систем [10]. Российские политические партии, чем дальше, тем больше приобретают черты «всеохватных», стремятся не сковывать себя выражением определенных социальных интересов, а выглядеть «партиями всех россиян». Особенно хорошо это заметно на примере «Единой России», хотя к этой же позиции приближаются и ЛДПР, и КПРФ, и «Родина» и ряд непарламентских в настоящее время организаций. В деятельности большинства партий все более укрепляются позиции технократических элит – «специалистов по связям с общественностью», чья задача – выгодно «продвинуть» свою партию на политический рынок и выгодно «продать» ее – как в переносном, так (если понадобится) и в прямом смысле. Ни о какой ответственности подобных «политтехнологов» перед обществом не приходится даже упоминать. Наконец, 2000-е годы стали ярчайшим примером картелирования партийной системы в России. Сначала в 2000 г. такой парламентский «картель» создали в Думе «Единство» и КПРФ, а в 2004 г. «Единая Россия» распределила думские портфели безо всякого учета мнения других партий.

Но, приобретая эти суперсовременные характеристики, российские партии явно не успевают исполнить свою современную роль в оформлении цивилизованных каналов и механизмов политического общения государства и гражданского общества. Решению этой задачи мешают как недостроенность гражданского общества, так и досовременные традиции самой партийной системы. В итоге общество и партии перестают нуждаться друг в друге и не стремятся развивать взаимодействие.

Опережающее развитие электронных СМИ, рост грамотности и образования, продолжающаяся урбанизация – все эти глобальные социальные изменения стали важнейшими факторами развития партийной политики в России. Они, по словам С.

Хантингтона, «расширяют горизонты политического сознания, умножают политические требования, расширяют число участников политической жизни», но они же «чудовищно усложняют проблему создания новых оснований политического единства и новых политических институтов, соединяющих в себе легитимность и эффективность» [11]. Нельзя не заметить, что к началу XXI в. этот комплекс объективных факторов эволюции переходных обществ не способствовал превращению российских партий в эффективные политические институты. Причем роль партий, в отличие от стран Запада, в России не смогут взять на себя ни подконтрольные государству СМИ, ни эгоистические группы интересов, ни отсутствующие массовые движения. Сознательно избавившись от советской однопартийности – недемократичной, но современной своему типу общества – Россия оказалась перед опасностью войти в политический мир информационной цивилизации вообще без устойчивых организаций политического сотрудничества и конкуренции. Не случаен поэтому скепсис многих российских специалистов по поводу дееспособности и перспективности таких партий. Так С.М. Елисеев характеризует российские партии как «симуляторы политического процесса» [12], а главный редактор центра «Партиформ» Ю.Г. Коргунюк именует отечественную политику не иначе как «псевдопартийной» [13].

Впрочем, быть может, эти недостатки общества способна с успехом исправить мудрая государственная власть?

Действительно, помимо объективных закономерностей эволюции современного мира большое влияние на процесс партийного строительства в России оказали факторы субъективного свойства. И важнейшим среди них приходится признать целенаправленное воздействие государственной власти на участие партий в политической жизни страны. Особенно значимым является непрерывное изменение избирательного законодательства, в результате которого ни одни федеральные выборы в России не проводились в соответствии с теми же законами, что и предыдущие. Такая законодательная политика создает атмосферу неопределенности в обществе, мешает самим партиям вырабатывать долгосрочные электоральные стратегии и порождает у избирателей и политологов обоснованные сомнения в необходимости все новых и новых избирательных законов [14].

Такие сомнения становятся все сильнее от явных корреляций между складывающейся политической конъюнктурой и меняющимися целевыми установками реформирования избирательной системы. Очевидно, что в 1990-е гг., когда у

правлящих кругов не было стабильной парламентской опоры, были созданы достаточно свободные условия для создания новых избирательных блоков и партий, а также для их участия в выборах. В 2000-е гг. политическая ситуация изменилась, Кремль создал относительно эффективную и стабильную «партию власти», и дальнейший пересмотр законодательства о выборах развернулся в направлении создания условий для консервации ее господства. Именно для этого в 2003 – 2004 гг. заградительный барьер при выборах в федеральную Думу был поднят с 5% до 7%, запрещено образование избирательных блоков, а в 2005 г. отменены выборы в Государственную Думу по одномандатным округам.

В том же направлении осуществляется властное регулирование избирательных процессов. Как справедливо отмечает К.Г. Холодковский, «в противовес ключевому принципу демократии – неопределенность результатов при определенности правил игры (“институционализация неопределенности”, по Пшеворскому) – наши выборы характеризовались высокой предсказуемостью основных результатов, тогда как процедуры, напротив, во многих случаях оказывались весьма гибкими и зависели от симпатий и воли субъектов власти» [15]. Привилегии «Единой России» на последних парламентских выборах 2003 г. оказались настолько значительными, что ее победа заранее не вызвала никаких сомнений ни у аналитиков, ни у рядовых избирателей. Столь же ожидаемым стало и поражение единственной стабильной массовой партии – КПРФ, которая подверглась столь мощному информационному давлению, что не сумела сохранить поддержку части сторонников, хотя и прошла в Думу.

Неожиданностью стал успех двух «виртуальных партий» – ЛДПР и блока «Родина». Это типичные «электорально-профессиональные» партии, популистских лидеров которых не интересует ничего, кроме победы на очередных выборах. Тем не менее, их позиция не подверглась никакой критике со стороны властей, поскольку оттягивала на себя голоса возможных избирателей КПРФ. Апеллируя через СМИ к протестным настроениям националистического и социально-уравнительного толка, эти организации смогли привлечь на свою сторону значительное количество избирателей, тяготеющих к «твердой руке», но не поддерживающих правительственного курса реформ. Особенно преуспел в возделывании своей электоральной нивы В.В. Жириновский, который по данным аналитического центра Ю. Левады в течение всего 2004 г. был самым популярным из российских партийных лидеров [16].

В то же время, партии, выражающие реальные интересы избирателей, в России имеют мало шансов на успех. Пример –

провал на последних выборах в Государственную Думу России либеральных партий «Яблоко» и СПС. И дело здесь не только в давлении на избиркомы со стороны властей, хотя и оно, скорее всего, имело место: судя по данным exit poll (опросов на выходах из избирательных участков), и КПРФ, и СПС, и «Яблоко» должны были набрать на 1% больше, чем получили по официальным данным [17]. Проблема еще и в том, что либеральные ценности осознаны как значимые довольно ограниченным количеством россиян. Такое положение – следствие не только советских традиций, но и тех пропагандистских усилий, которые были предприняты властями для дискредитации либералов.

Пытаясь исправить допущенную оплошность, власти в 2005 г. сами инициировали проект по созданию новой либеральной партии. Однако социологический опрос, проведенный в городах Западной Сибири по заказу агентства «RIGNUM» в конце 2004 г., показал, что вероятность успешного создания такой партии невелика. 66,2% опрошенных высказались за необходимость «обеспечить достойный уровень жизни населения, пусть это и снизит темпы развития экономики», 57% - за плановую экономику, 73% - за государственную монополию в добыче природных ресурсов, а 46,8% вообще выразили готовность предоставить президенту «всю полноту власти в государстве вплоть до изменений в Конституции». Уровень поддержки даже главных либеральных ценностей – свободы личности, рынка и законности составил всего 23%. Остальные участники опроса либо вовсе не поддерживали либеральные ценности, либо разделяют только одну – две, не замечая ее связи с остальными [18]. Учитывая низкий уровень мобилизации либеральных избирателей, маловероятно, чтобы обнаруженные социологами в Сибири «запасы либералов» можно было преобразовать в реально действующие организационные структуры.

Тем не менее, выборы в Томскую городскую думу 9 октября 2005 г. показали, что в Томске у либералов есть свои избиратели. 8,57% голосовавших томичей отдали свои голоса блоку «СПС+Яблоко», а еще 2,39% - другой либеральной организации «Наш выбор – Томск», подтвердив тем самым репутацию Томска как относительно либерального города. Впрочем, смогли отмобилизовать своих избирателей и другие устойчивые партии «Единая Россия» (17,85%), КПРФ (9,95%), ЛДПР (7,77%) [19]. Однако и поводов для беспокойства выборы дали немало.

Прежде всего, томичи «не выполнили норму» по явке избирателей на голосование. Если губернатор накануне выборов требовал от чиновников обеспечить участие в голосовании 60% избирателей, то реальная явка составила чуть менее 32%. Оправданной такой «недисциплинированности» достаточно: здесь и относительная пассивность городских избирателей по

сравнению с сельскими, и «рязная» избирательная кампания, и отвратительная погода – часть горожан наверняка «проголосовала ногами» не против конкретной партии, а против промокших ног и насморка наутро. Сыграл свою роль и русский менталитет, для которого единичные органы власти всегда сильнее (а их выборы – важнее), чем коллективные. Но есть и другое объяснение. Административные и бюджетные реформы в России 2000-х привели к тому, что в глазах наших сограждан органы местного самоуправления лишены всякой реальной власти, а участие в их избрании – лишняя трата времени. Да и в справедливости результатов голосования уже мало кто верит: многие из нежелающих голосовать объясняют свою позицию тем, что власти «все равно выберут тех, кого им надо».

В еще большей степени действиями властей объясняется высокий уровень протестного голосования на муниципальных выборах. Есть все основания считать, что протестным на них было не только голосование «против всех» (14,67%), о котором много говорят аналитики [20], но и поддержка номинальных победителей – «Партии пенсионеров» (19,42%). Номинальных – потому, что вместе с депутатами, избранными по двухмандатным округам, относительное большинство в городской думе получает «Единая Россия». А победителями «пенсионеров» сделала не только грамотная, без скандалов и обвинений, избирательная кампания, но и та ситуация, которая сложилась в обществе в связи обвальным ростом тарифов на услуги ЖКХ и проведением «монетизации» льгот. Именно старшее поколение пострадало от таких новшеств больше всех. Поэтому в протестные настроения томичей по этим поводам «Партия пенсионеров» вписалась лучше, чем кто бы то ни было. При этом эта организация не имеет ни ясной политической программы, ни собственной стратегии социально-экономического развития города. А присутствие в ее списке таких «юных пенсионеров» как М. Резников ясно свидетельствует о том, что под популистскими лозунгами защиты обездоленных в городскую власть вновь прошел крупный (по томским меркам) бизнес, заинтересованный только в защите самого себя.

Таким образом, хотя нынешняя власть официально декларирует курс на развитие демократии и укрепление политических партий, ее реальные действия имеют совершенно противоположный эффект. Вместо слабой многопартийной системы, которую Россия имела в 1990-е гг., она получила даже не однопартийную, а скорее беспартийную систему, в которой номинальные партии не имеют никаких рычагов влияния ни на власть, ни на общественное развитие [21]. Организации, которые оккупируют в настоящее время политическое пространство России, не пользуются значительной поддержкой населения, поскольку не выражают его

интересов и не в состоянии повлиять на правительственный курс. Они еще в состоянии посредством манипулятивных приемов привлечь к себе внимание телезрителей. Но заменить собой решение реальных социальных проблем им не удастся. Впрочем, пока экономическое положение страны относительно стабильно, можно обойтись и такими партиями. Только как быть, если оно пошатнется?

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель Политика. М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. С.25.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект-Пресс, 2002. С.84 – 85.
3. Горшков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые. // Социологические исследования. 2004. №8. С.24, 26, 28.
4. Марков С. Формы существования политических партий в современной России // Формирование политической системы России. М.: МОНФ, 1996. С.15.
5. Ачкасов В.А. Российский институциональный дизайн и перспективы развития партийной системы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2002. Сер.6. Вып.2(14). С.24.
6. Лапаева В.В. Выборы и развитие многопартийности // Политические партии и движения на выборах-99. М.: Независимый институт выборов, 2000. С.229.
7. Коргунюк Ю.Г. Партийное строительство в России на рубеже тысячелетий. - http://www.partinform.ru/articles/part_str.htm
8. Левин И.Б. Партия и модернизация: российские варианты // Полития. Весна 2000. №1(16). С.51.
9. Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель "хватай-всех" // Полис. 2004. №1. С. 23.
10. Подробнее о постсовременных тенденциях партийной жизни см.: Коргунюк Ю.Г. Эволюция организационных форм политических партий и современная представительная демократия // Полития. Весна 2004. №1(32). С.25-69.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С.24 – 25.
12. Елисеев С.М. Политические партии России как агенты и симулякры национального поля политики // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2004. Сер.6. Вып.2. С.71.
13. Коргунюк Ю.Г. Псевдопартийная система - наш подарок человечеству. - <http://www.partinform.ru/articles/psevdop.htm>
14. Салмин А.М. Избирательные системы и партии: выбор выборов // Полития. Весна 2004. №1(32). С.18.
15. Хлодковский К.Г. Бюрократическая Дума // Полис. 2004. №1. С.10.
16. Вестник общественного мнения. 2005. №1(75). С.8.
17. Лалкин В.В. Закономерности смены российских политических сезонов // Полис. 2004. №1. С. 42.
18. Общественное мнение Западно-Сибирского региона о перспективах партийного строительства на либеральном фланге. Новосибирск, 2005. С.18 – 20, 22, 34.

19. Официальные результаты выборов Думы г. Томска четвертого созыва по единому избирательному округу // Красное знамя. 14 октября 2005. С.3.

20. Кречетова Н. Кого выбрали – еще узнаем // Там же. С.2; Будяну А. Перелистывая страницу (кто и как пришел в гордому Томска) // Томские новости. 13 октября 2005. С.6.

21. Черняховский С. Партийная система России – год кризиса. Итоги-2004. - <http://www.novopol.ru/material/1244.html>

Шутов В.С.

**Обсуждение проблемы динамики
советского «тоталитаризма» в
американской советологии в 60-е
годы XX в.**

На протяжении 60-х гг. XX в. в США продолжалась дискуссия по вопросам сущности тоталитаризма, его динамики и роли социальных, политических, материально-технических, экономических и других изменений, произошедших в советском обществе после смерти Сталина. К этому времени явно обозначился кризис «холодной войны», одним из оснований которой со стороны США и их союзников была классическая теория тоталитаризма с её тезисами об иррациональности советского режима и его стремлении силой навязать всему миру свои ценности. Однако, внутреннее развитие советского общества, новые явления в международных отношениях вели к ревизии многих положений теории тоталитаризма, проявивших себя к тому времени стереотипами, искажающими реальность.

Одни авторы, видя в развитии политической системы в СССР в основном отражение групповой и индивидуальной борьбы за власть, рассматривая функции составляющих её элементов, сосредоточились на анализе «роли лидера» и идеологии и на «распределении властных полномочий и влияния» между различными элементами политической системы. Часть из них, исходя из того, что диктатура Хрущёва Н.С. была менее насильственной, чем диктатура Сталина, допускали, что советская система стала «менее тоталитарной», указывая при этом на её «увеличивающуюся рациональность» в управлении экономикой, что выразилось в предоставлении «управляющим и